

**МЕНЯЮЩИЕСЯ БЕНЕФИЦИАРИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА
И СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

Емузова Эвелина Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Нефедов Сергей Александрович, доктор политических наук, научный сотрудник

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
E-mail: offiziell@yandex.ru

В данной статье обосновывается вывод о том, что в современном мире происходит смена бенефициариев мирового порядка. Общечеловеческие интересы постепенно уступают место интересам узко эгоистическим. Понимание этих изменений позволяет дать более точную оценку происходящему в современной мировой политике, необходимую для разработки адекватного политического курса.

Ключевые слова: мировой порядок, мировая политика, бенефициарии мирового порядка, денежная власть, альтруистическое и эгоистическое понимания мирового порядка

**THE CHANGING BENEFICIARIES OF THE WORLD ORDER
AND MODERN WORLD POLITICS**

Yemuzova Evelina A., Ph.D. (Philology), Professor

Pyatigorsk State Linguistic University
9 Kalinin av., Pyatigorsk, Stavropol region, 357532, Russian Federation

Nefedov Serge A., D.Sc. (Political Sciences), Researcher

Pyatigorsk State Linguistic University
9 Kalinin av., Pyatigorsk, Stavropol region, 357532, Russian Federation
E-mail: offiziell@yandex.ru

The conclusion locates in the present article that in the modern world there is a change of beneficiaries of a world order. Universal interests gradually give way to interests tightly egoistic. The understanding of these changes allows more exact assessment to the events in modern world politics, necessary for designing of an adequate political policy.

Keywords: world order, world politics, beneficiaries of world order, money power, altruistic and egoistic interpretations of world order

События на мировой арене показывают, что сегодня продолжается активное строительство нового мирового порядка. Глобализация, о которой говорится повсеместно, есть процесс утверждения этого порядка. Эта точка зрения получает все большее подтверждение и все большую популярность [14, с. 21; 17, р. 1–10; 18, р. 1–10]. Новый мировой порядок, формирующийся на фоне разрушения национального суверенитета, ориентирован на создание новой планетарной структуры экономических и культурных обменов, общемировое перераспределение доходов и унификацию населения планеты. Существенный пласт мировой политики подчинен задачам строительства нового мирового порядка. Каждый регион планеты постепенно встраивается в этот порядок, не имея практически никаких шансов остаться в стороне. Особенно это справедливо для регионов, обладающих богатыми природными ресурсами и выгодным геостратегическим положением, в частности, для Каспийского региона [4, с. 40–45].

В основе выстраиваемого в настоящее время мирового порядка лежат денежные отношения. Именно деньги, как бы это ни выглядело тривиально, являются главным инструментом «упорядочивания» мира. Мировой порядок есть ситуация, когда мировые дела соответствуют некому идеалу, паттерну или образцу. С точки зрения нового мирового порядка, образцовой моделью поведения акторов мировой политики выступает признание с их стороны некой мировой валюты. От них требуется не мешать утверждению такой валюты, а лучше и всячески поощрять ее использование (проведение в ней международных расчетов, ее выбор в качестве резервной валюты и т.д.). Нарушителями порядка признаются те, кто противодействует монетарной унификации мира.

Деньги представляют собой обычный товар, по многим параметрам схожий с другими объектами купли-продажи. Однако от всех других товаров он отличается одним свойством: деньги обладают максимально возможным спросом. Они нужны всем и всегда, независимо от индивидуальных потребностей и интересов. Из этой уникальной особенности логично следует, что те, кто контролирует их выпуск, автоматически приобретают наибольшую власть.

Причем наибольшая власть, даваемая контролем над выпуском денег, может быть трансформирована во власть абсолютную – абсолютную как в качественном, так и в количественном смысле. Чтобы получить с помощью денег всепроникающую власть (качественно абсолютную), необходимо все вещи превратить в товар, имеющий денежную стоимость. Становится понятным, почему в настоящее время повсеместно продолжается активное насаждение идеи, что все в мире продается и покупается – от личных отношений до национальных интересов. Это же объясняет размах коррупции и неэффективность в борьбе с ней.

Сегодня, как справедливо замечает М. Джонстон, коррупцией поражены бедные и богатые страны, страны как с авторитарными, так и с демократическими режимами [21, р. 16–17]. В богатых странах коррупции не меньше, чем в бедных. Просто она лучше завуалирована. Законы и институты создаются так, чтобы благоприятствовать интересам финансовых кругов, освобождая их от необходимости открытой покупки влияния. Индия демократичней Сингапура, но коррупция в ней распространена значительно шире. Коррупция охватывает не только государственный, но и частный сектор [13, с. 10–12]. Не случайно тот же М. Джонстон дает максимально широкое определение коррупции: злоупотребление общественным положением или ресурсами в целях получения личной выгоды [21, р. 9]. Отчасти причиной «большой» коррупции выступает сознательная активность агентов нового мирового порядка, активно борющихся со всеми национально-культурными традициями, мешающими экспансии менового начала.

Но абсолютная власть имеет не только качественную, но и количественную сторону. Чтобы получить при помощи денег всеохватывающую власть (количественно абсолютную), необходимо обеспечить одной или нескольким валютам мировой статус. Сегодня доллар и его «двойник» евро располагают подобным статусом.

Мировой порядок, построенный на денежных отношениях, дает абсолютную власть, которая может использоваться в узко эгоистических интересах. Любой мировой порядок, каковой природы бы он ни был, имеет своих выгодоприобретателей. Из самого названия следует, что бенефициарием должна быть большая часть населения планеты, получающая, по крайней мере, гарантию защиты от беспорядка. Однако мировой порядок, формирующийся в последнее время, дает выгоды лишь небольшой группе, часто усугубляя положение других групп, отдельных государств и даже континентов.

Выше мы уже отмечали, что мировой порядок – это состояние мировых дел, соответствующее некому образцу. Практически все теории мирового порядка допускают подобную трактовку, различаясь лишь тем, что же берется в качестве этого самого образца. Здесь в зависимости от того, каким интересам отвечает это образцовое состояние, выделяется два основных направления, или группы теорий.

Образцовое состояние может отвечать общим интересам. И даже если порядок навязывается каким-либо актором. Например, США, а речь идет о порядке американ-

ском, то он всегда ориентирован так или иначе на всеобщее благо. В разнообразном с точки зрения культуры, экономики и политики мире, единственным, по-настоящему универсальным благом является защищенность от актов насилия. Поэтому в этих теориях порядок понимается как отсутствие актов насилия в мире, угрожающих политической стабильности. Отсутствие такового насилия и есть то образцовое состояние, которое фигурирует в приведенной выше общей дефиниции мирового порядка.

Понимание порядка как отсутствие насилия широко распространено в политологической литературе. Так, С. Хантингтон в своей работе «Политический порядок в меняющихся обществах», посвященной политической модернизации, придерживается именно такого подхода. Уже в предисловии он прямо противопоставляет порядок насилию и нестабильность [12, с. 19]. По его мнению, политический порядок зависит от соотношения между развитием политических институтов и мобилизацией новых общественных сил в политику. Отсутствие общепринятых институциональных каналов для артикуляции интересов в условиях растущей политической активности заставляет соответствующие группы удовлетворять свои притязания на управление обществом путем гражданского насилия и военного вмешательства. Правилom становится использование прямого действия, до того считавшегося отклонением от нормы. Революция, приводящая к созданию и институционализации нового порядка, является крайним случаем взрывного роста политической активности [6, с. 16–17].

К настоящему моменту известно множество концептов мирового порядка. В этих концептах мировой порядок понимается как ситуация, при которой насилие находится под контролем центров власти. Г. Киссинджер в своей последней работе, вышедшей в свет в 2014 г., анализирует среди прочих европейский, американский и исламский концепты [22, р. 2–6]. Все подвергаемые анализу концепты или варианты мирового порядка он различает по способу предотвращения и прекращения насилия в мире. Несмотря на различия между ними, иногда довольно существенные, каждому классическому концепту порядка так или иначе присуща идея стабильности.

Европейский вариант порядка был разработан рядом европейских государств и утвержден в 1648 г. на мирной конференции в Вестфалии, завершившей собой разрушительную Тридцатилетнюю войну [20, р. 91–92]. За 30 лет около четверти населения Центральной Европы погибло от военных действий, болезней и голода. По сути, участники той конференции встретились для того, чтобы определить комплекс мер, предотвращающий подобное кровопролитие в будущем. По замыслу разработчиков контроль над насилием должен был обеспечиваться множеством равносильных властных центров. Каждый властный центр получал право на насилие на закрепленной за ним территории в обмен на обязательство не вмешиваться во внутренние дела других властных центров. Осознание того, что любая попытка нарушить данное обязательство натолкнется на общее сопротивление, лишало смысла его нарушать.

Классический американский концепт мирового порядка опирается на идею «Нового мира». Когда Европу раздирали политические и религиозные конфликты, поселенцы-пуритане приступили к выполнению божественной миссии на «пустынной земле», отдаленной от старых структур власти. Им следовало построить «град на горе», который бы вдохновлял всех справедливостью своих принципов и силой своего примера [19, р. 41–66]. Исходя из американского концепта, все старые распри прекратятся сами собой, как только правительства всех стран будут разделять те же принципы, что и правительство американское. Задачи внешней политики должны состоять не столько в преследовании специфических американских интересов, сколько в распространении общих принципов. Даже после того, как Соединенные Штаты превратились в неперемногого защитника модели порядка, разработанной в Европе, они не отказались от своих изначальных посылов – задача достижения и поддержания мира ими виделась не в обеспечении баланса сил, а в распространении демократических принципов.

Превращение всего мирового пространства в «область ислама» с единственным легитимным центром власти выступает образцовым состоянием в исламском концеп-

те мирового порядка [10, с. 15–21; 2, с. 67–72; 5, с. 254–258; 1, с. 84–85]. Иначе «область ислама» называется «областью мира», которая противопоставляется «области войны», что прямо указывает на суть мирового порядка – устранение насилия в мире. Этот концепт эксплуатировало руководство Арабского халифата, инициировавшее мощную экспансионистскую кампанию. В течение века после смерти Мухаммеда арабские армии принесли новую религию на атлантическое побережье Африки, на Пиренейский полуостров и на север Индии. В последующие столетия ислам благодаря как завоевателям, так и торговцам занял в Центральной Азии, в некоторых частях Китая и Юго-Восточной Азии место доминирующей религии. Идея об одном единственном легитимном центре власти, устанавливающем мир, была возрождена Османской империей, охватившей Аравийский полуостров, Средиземноморье, Балканы и Восточную Европу. Мехмед Завоеватель, подразумевая итальянские города-государства, практиковавшие в XV в. раннюю версию многополярности, указывал, что в мире вместо множества государств, постоянно находящихся в распрях друг с другом, должна быть одна империя, одна вера и одна верховная власть [16, р. 207]. Со времен первых попыток повсеместно распространить ислам и поставить под единое руководство всех мусульман многое изменилось в мире. В своем развитии отношения между мусульманскими и немусульманскими обществами прошли как периоды продуктивного сосуществования, так и периоды открытой вражды. К настоящему моменту торговля плотно связала мусульманские и немусульманские государства, превратив дипломатические союзы между ними в обыденную политическую практику. Несмотря на это, бинарный концепт мирового порядка по-прежнему занимает существенное место в официальной доктрине Ирана, лозунгах вооруженных меньшинств в Ливане, Сирии, Ираке, Ливии, Йемене, Афганистане и Пакистане, в идеологии нескольких террористических групп, действующих в мире, в том числе и в идеологии Исламского государства.

Среди тех, кто называет порядком отсутствие насилия, есть и те, кто не связывает его напрямую с реализацией одной единственной модели, одного концепта. Гарантом от насилия, по мнению этой группы авторов, может служить и состояние, когда никакому отдельно взятому актору не удастся полностью навязать свою модель. Именно одновременная реализация нескольких моделей обеспечивает защиту от неконтролируемого насилия. А. Ачарья пишет о мультиплексной модели порядка, резко контрастирующей с однополярными, биполярными и многополярными моделями.

А. Ачарья сравнивает нынешний мир с кинотеатром-мультиплексом, кинотеатром с несколькими залами, где в одно и то же время идут разные фильмы – с разным сюжетом и с разными актерами [15, р. 6–9]. Применив эту метафору к сфере политики, получается, что в мире разворачивается множество сюжетов. Такие категории как «однополярность» и «биполярность» уже не могут адекватно описать положение в мире. Ни отдельно взятая держава (например, США), ни две державы (например, США на пару с Китаем) уже не способны управлять мировыми делами. Но и категория «многополярность» утратила свое былое значение, поскольку в формировании нового мирового порядка принимают активное участие не только государства, но и целый ряд негосударственных акторов.

Свою роль в разрушении однополярности и многополярности, по мнению А. Ачарьи, играет и взаимозависимость акторов мировой политики. Ранее акторы взаимодействовали между собой, но не так плотно и не так постоянно, как нынешние акторы, например, как участники BRICS, либо члены G20. Вместе с тем отношения между агентами нынешнего мирового порядка характеризуются комплексными формами взаимной зависимости. Зависимость европейских держав до Второй мировой войны базировалась исключительно на торговле, которая постоянно подрывалась династическими спорами, политикой равновесия сил и кровавым соперничеством за заморские колонии [15, р. 73–78]. Сегодняшние агенты связаны не только торговлей, но и производством и финансами, а также общей обеспокоенностью международными проблемами, такими как терроризм [8, с. 347–350; 3, с. 36–40] и деградация окружающей среды [9, с. 168–170].

На противоположном к альтруистическим подходам полюсе находятся подходы, которые можно назвать эгоистическими. Для авторов этих подходов мировой порядок есть ситуация, отвечающая исключительно интересам определенных групп акторов. В альтруистических подходах мировой порядок рассматривается как практическое воплощение представлений об идеальном мире, которое, по крайней мере, в отдаленной перспективе, принесет пользу для всех жителей планеты, или как ситуация компромисса, сложившаяся спонтанно в ходе безрезультатной борьбы главных акторов мировой политики за право навязать свою версию порядка, но которая в принципе отвечает также той же цели – всеобщему благу. В эгоистических же подходах мировой порядок понимается как воплощение замысла группы акторов, не учитывающих интересы основной массы населения планеты.

А.С. Панарин называет новый мировой порядок крайне негуманным и несправедливым, лишаящим большую часть населения планеты перспектив, положенных в принципе каждому человеку, тем самым ассоциируя его с классическим делением мирового пространства. С этой точки зрения Запад превращается в организатора мирового апартеида, «загоняющего в гетто обнадеженную и обманутую мировую периферию» [7, с. 289]. Однако с другой точки зрения, Запад, как на это указывает Панарин, наряду с незападной периферией сам оказывается жертвой. Призрак программированного общества грозит всем без исключения акторам, интегрированным в мировой порядок. Все население планеты, где бы оно ни проживало, постепенно подчиняется «новой касте научных надсмотрщиков-рационализаторов, оберегающих любые общественные группы от дилетантских импровизаций» [7, с. 289]. Поощряя отделение производительной прибыли от спекулятивной, беспрепятственный вывоз капитала и ослабление национальных суверенитетов, новый мировой порядок подрывает позиции настоящих производителей, создающих богатство для широких слоев населения планеты. Благодаря так называемой системе свободного трансферта планетарные ресурсы присваиваются «избранной» группой [7, с. 12–16].

Еще дальше в подобных рассуждениях заходит Н. Хаггер. Он называет порядком ситуацию, сохраняющую и приумножающую богатство синдиката – группы богатых личностей и семейств, сотрудничающих для достижения общих коммерческих интересов. Синдикат работает через неформальные организации и марионеточных мировых лидеров, которые проводят в жизнь выгодную для него политику [11, с. 36–38].

Действительно, анализ политической практики показывает, что в последние десятилетия имеет место очевидная смена бенефициариев мирового порядка. Не случайно, все чаще звучат утверждения о том, что нынешний мировой порядок больше смахивает на беспорядок, понимаемый в его прямом значении. Если статус бенефициария, как предполагается, приобретает узкая группа, поведение которой не контролируется никакими демократическими процедурами, то беспорядок, как это ни парадоксально, может выступать желаемым, образцовым состоянием, чего невозможно представить при альтруистическом подходе к осмыслению понятия «бенефициарий мирового порядка». Каковы бы ни были цели его разработчиков, беспорядок, в принципе, не может удовлетворять интересы большей части населения планеты.

Список литературы

1. Косов Г. В. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция / Г. В. Косов и другие. – Москва : МИРАКЛБ, 2014. – 192 с.
2. Косов Г. В. Религиозный фактор в политическом процессе: опыт восточных политий (исламская проекция) / Г. В. Косов, Г. В. Станкевич // Социум и власть. – 2013. – № 6. – С. 67–72.
3. Кузина С. И. Террор и терроризм: общее и особенное / С. И. Кузина // Философия права. – 2010. – № 4. – С. 36–40.
4. Магомедов А. К. Энергетический и транспортный аспекты геополитической идентификации Каспийского региона в постсоветский период / А. К. Магомедов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1. – С. 40–45.

5. Марков В. В. Религиозный фактор современного политического процесса (на примере стран Ближнего Востока) / В. В. Марков, Г. В. Косов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 254–258.
6. Нефедов С. А. Политическое насилие в концепции модернизации С. Хантингтона / С. А. Нефедов // Власть. – 2010. – № 2. – С. 15–18.
7. Панарин А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
8. Сидорова С. В. Теоретико-методологические основы анализа феномена современного терроризма / С. В. Сидорова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 347–350.
9. Смышляев В. А. Экополитическое пространство как сфера геополитического противостояния / В. А. Смышляев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 168–170.
10. Станкевич Г. В. Политизация религиозного фактора: исламская проекция / Г. В. Станкевич, Г. В. Косов // Исламоведение. – 2013. – № 3. – С. 15–21.
11. Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства : пер. с англ. / Н. Хаггер ; пер. Т. Новиковой. – Москва : Алгоритм, 2011. – 496 с.
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах : пер. с англ. / С. Хантингтон ; пер. В. Р. Рокитянского. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
13. Эйхенвальд К. Песочные замки Уолл-стрит: История величайшего мошенничества : пер. с англ. / К. Эйхенвальд ; пер. Н. Зараховича, Т. Гутмана. – Москва : Альпина Паблишерз, 2010. – 556 с.
14. Якунин В. И. Глобализация: новые вызовы государственной политике России / В. И. Якунин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2014. – № 1. – С. 21–28.
15. Acharya A. The End of American Order / A. Acharya. – Cambridge : Polity Press Publ., 2014. – 150 p.
16. Black A. The History of Islamic Political Thought: From the Prophet to the Present / A. Black. – Edinburgh : Edinburgh University Press Publ. House, 2011. – 416 p.
17. Fotopoulos T. Subjugating the Middle East: Integration into the New World Order / T. Fotopoulos. – San Diego : Progressive Press Publ., 2014. – Vol. 1: False Democratization. – 320 p.
18. Fotopoulos T. Subjugating the Middle East: Integration into the New World Order / T. Fotopoulos. – San Diego : Progressive Press Publ., 2014. – Vol. 2: Engineered Insurrections. – 320 p.
19. Gamble R. M. In Search of the City on a Hill: The Making and Unmaking of an American Myth / R.M. Gamble. – London : Continuum International Publishing Group Publ., 2012. – 224 p.
20. Ikenberry G. J. The Logic of Order: Westphalia, Liberalism, and the Evolution of International Order in the Modern Era / G. J. Ikenberry // Power, Order, and Change in World Politics / ed. by G. J. Ikenberry. – Cambridge : Cambridge University Press Publ. House, 2014. – P. 83–106.
21. Johnston M. Corruption, Contention, and Reform: The Power of Deep Democratization / M. Johnston. – Cambridge : Cambridge University Press Publ. House, 2014. – 308 p.
22. Kissinger H. World Order / H. Kissinger. – New York : Penguin Press Publ., 2014. – 432 p.

References

1. Kosov G. V., et al. *Politizatsiya religioznogo faktora v kontekste regionalnoy bezopasnosti: severokavkazskaya proektsiya* [Politization of the religious factor in the context of regional security: North Caucasian projection], Moscow, MIRAKL Publ., 2014. 192 p.
2. Kosov G. V., Stankevich G. V. *Religioznyy faktor v politicheskom protsesse: opyt vostochnykh politiy (islamskaya proektsiya)* [Religious factor in the political process: the experience of Eastern polities (Islamic projection)]. *Sotsium i vlast* [Society and Power], 2013, no. 6, pp. 67–72.
3. Kuzina S. I. *Terror i terrorizm: obshchee i osobennoe* [Terror and Terrorism: general and special]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2010, no. 4, pp. 36–40.
4. Magomedov A. K. *Energeticheskiy i transportnyy aspekty geopoliticheskoy identifikatsii Kaspiyskogo regiona v postsovetkiy period* [Geopolitical identification of the Caspian region in past and present: energy and transportal dimensions]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2014, no. 1, pp. 40–45.
5. Markov V. V., Kosov G. V. *Religioznyy faktor sovremennogo politicheskogo protsesssa (na primere stran Blizhnego Vostoka)* [The religious factor of the modern political process (drawing on the example of the countries in the Middle East)]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], 2014, no. 2, pp. 254–258.
6. Nefedov S. A. *Politicheskoe nasilie v kontseptsii modernizatsii S. Khantingtona* [Political violence in the concept of modernization S. Huntington]. *Vlast* [The Power], 2010, no. 2, pp. 15–18.
7. Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation globalism], Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002. 416 p.

8. Sidorova S. V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy analiza fenomena sovremennogo terrorizma [Theoretical and methodological framework for the analysis of the phenomenon of modern terrorism]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], 2009, no. 4, pp. 347–350.
9. Smyshlyaev V. A. Ekopoliticheskoe prostranstvo kak sfera geopoliticheskogo protivostoyaniya [Ekopoliticheskoe space as a sphere of geopolitical confrontation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2012, no. 1, pp. 168–170.
10. Stankevich G. V., Kosov G. V. Politizatsiya religioznogo faktora: islamskaya proektsiya [Politicization of the religious factor: Islamic projection]. *Islamovedenie* [Islamic Studies], 2013, no. 3, pp. 15–21.
11. Khagger N. *Sindikatsiya. Istoriya mirovogo pravitelstva* [The Syndicate. The story of the coming world government], Moscow, Algoritm Publ., 2011. 496 p.
12. Khantington S. *Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies], Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004. 480 p.
13. Eykhenvald K. *Pesochnye zamki Uoll-strit: Istoriya velichayshego moshennichestva* [Serpent on the Rock: Just Another Day on Wall Street in History's Biggest Corporate Swindle], Moscow, Alpina Publisherz Publ., 2010. 556 p.
14. Yakunin V. I. Globalizatsiya: novye vyzovy gosudarstvennoy politike Rossii [Globalization: New Challenges to Russian State Policy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. 12. A Series of Political Science], 2014, no. 1, pp. 21–28.
15. Acharya A. *The End of American Order*, Cambridge, Polity Press Publ., 2014. 150 p.
16. Black A. *The History of Islamic Political Thought: From the Prophet to the Present*, Edinburgh, Edinburgh University Press Publ. House, 2011. 416 p.
17. Fotopoulos T. *Subjugating the Middle East: Integration into the New World Order*, San Diego, Progressive Press Publ., 2014, vol. 1: False Democratization. 320 p.
18. Fotopoulos T. *Subjugating the Middle East: Integration into the New World Order*, San Diego, Progressive Press Publ., 2014, vol. 2: Engineered Insurrections. 320 p.
19. Gamble R. M. *In Search of the City on a Hill: The Making and Unmaking of an American Myth*, London, Continuum International Publishing Group Publ., 2012. 224 p.
20. Ikenberry G. J. The Logic of Order: Westphalia, Liberalism, and the Evolution of International Order in the Modern Era. *Power, Order, and Change in World Politics*, Cambridge, Cambridge University Press Publ. House, 2014, pp. 83–106.
21. Johnston M. *Corruption, Contention, and Reform: The Power of Deep Democratization*, Cambridge, Cambridge University Press Publ. House, 2014. 308 p.
22. Kissinger H. *World Order*, New York, Penguin Press Publ., 2014. 432 p.

**ЕВРОИСЛАМ КАК СПОСОБ ИНТЕГРИРОВАНИЯ МУСУЛЬМАН
В ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)¹**

Станкевич Галина Викторовна, доктор политических наук, доцент, профессор

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
E-mail: stankevichg@rambler.ru

Косов Геннадий Владимирович, доктор политических наук, доцент, профессор

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
E-mail: kossov1@yandex.ru

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 13-33-01005 «Нетрадиционные религиозные объединения как сетевой субъект в системе угроз на Северном Кавказе».